

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

**«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ
Н.Г.ЧЕРНЫШЕВСКОГО»**

Кафедра отечественной истории и историографии

АВТОРЕФЕРАТ МАГИСТЕРСКОЙ РАБОТЫ

**Русское географическое общество как институт имперской рефлексии в
50-х годах XIX в.**

Студента 2 курса 263 группы
направления 46.04.01. История

Исторический феномен России: государство, общество, регионы

Института истории и международных отношений

Федосова Петра Сергеевича

Научный руководитель

Доцент, к.и.н.

В.В. Хасин

личная подпись, дата

Зав. кафедрой

Профессор, д.и.н.

В.Н. Данилов

личная подпись, дата

Саратов 2024

Введение

Любить свою Родину, значит знать её.

В.Г. Белинский

Обратившись к этой теме, я оказался в крайне опасной для историка ситуации. Моя тема самим названием обязывала прийти к определенным выводам, которые были заранее оглашены каждому интересанту работы. Всю остроту проблемы сглаживал всеобъемлющий и уже ставший нарицательным концепт «Империя – познающая себя».

Его содержание не ново для любого, кому не чужды проблемы истории России середины-конца XIX века. Форсированная институция контроля огромных пространств после установления государственного бюрократического аппарата над ними начинает изучать, что оказалось под ее власти. Подобно рыболову, забросившему огромную сеть, а после изучающему улов.

Но все ли так просто? Отнюдь, удовлетвориться подобным объяснением концепта можно было бы, если бы он касался исключительно нововключенных, например, ясачных территорий, без четкого и ясного административного деления и постоянного гражданственного отношения с населением. В нашем же случае речь идет о проблеме совершенно иного масштаба и природы. Со времен преобразований Петра Великого, ясно прослеживается зияющая пропасть между культурой верхних и нижних слоев социальной структуры Империи, при этом распространяющейся даже не по географическому признаку – в ста километрах от Петербурга культура русского народа была таким же открытием, как в тысяче километров от него на юг.

Но самое интересное, что четкого понимания, что же такое культура русского народа в середине XIX века найти не удастся. Один и тот же русский народ из-за огромной протяженности своей и в истории, и в географии живет

совершенно по-разному. Существуют различия в говоре, в обрядах, культуре, фольклоре и естественно в быте.

Проблема эта была очевидна и понятна всем думающим людям, начиная с восстания декабристов она стала в полный рост. Именно тогда появляется необходимость не просто в научном, но и систематическом изучении этой непонятной и культурно иной общности, которую принято называть русский народ. Имперская рефлексия, которая поставила проблему изучения бескрайней империи и ее населения, очень удачно хронологически совпала с мировым трендом на создание географических обществ.

Создаваемое по общемировым лекалам Русское географическое общество за короткий промежуток времени изменило свой образ деятельности, направленность исследований и руководящий состав, трансформировавшись из института академической науки, призванного включить Российскую Империю в мировую научную парадигму, в институт имперской рефлексии, который основной своей целью поставил изучение русского народа и его особенностей.

Таким образом, можно обозначить **объект** моего исследования как Русское географическое общество на раннем этапе его деятельности, **предметом** же моего исследования стала трансформация Русского географического общества из института академической науки и просвещения в институт с утилитарной рефлексивной темой исследования русского народа.

Цель моей работы в таком случае будет выглядеть следующим образом: проследить процесс трансформации Русского географического общества на раннем этапе его деятельности в институт имперской рефлексии и выделить его ключевые моменты.

Для решение цели работы необходимо сформулировать ряд **задач**:

1. Проанализировать общеисторические процессы и социокультурные детерминанты, повлиявшие на создание Русского Географического общества.
2. Рассмотреть мировой опыт создания географических обществ.
3. Конкретизировать предпосылки появления Русского географического общества.
4. Рассмотреть вопрос авторства проекта Русского географического общества
5. Охарактеризовать деятельность Русского географического общества во второй половине 40-х - начале 50-х годов XIX века
6. Определить мотивы образования фракций в структуре Русского географического общества и основные векторы внутренней борьбы.
7. Выявить причины появления и векторы развития этнографического направления в работе РГО.
8. Исследовать формы и инструменты этнографической верификации российского имперского пространства, в контексте институциональной рефлексии.

Хронологические рамки исследования получились достаточно узкими, что позволило сконцентрироваться на основных вопросах достаточно подробно. Так основной период исследования можно ограничить 1844-1854 годами. Дополнительно рассматривался период 1830-х-40-х годов с целью определения предпосылок и обстоятельств создания Русского географического общества, а также 1830-х годов с целью изучения основных направлений научных интересов аналогичного Королевского географического общества в Лондоне.

Почему и для чего нужно изучать эту тему именно сейчас? Актуальность темы многоаспектна. Именно сейчас Российская Федерация, как правопреемница всех проявлений российской государственности столкнулась с вопросом конструирования нового идеологического курса и его культивации

в общественном сознании. Но как и великие реформы новый идеологический курс должен лечь на известный и понятный фундамент. На народ, который понятен и логичен для государственного аппарата. Поскольку этот самый народ структура не статичная, а даже наоборот крайне динамично-непредсказуемая, опыт его анализа и изучения является одной из актуальнейших проблем, которая находится в научном обозрении.

С прикладной точки зрения исследование является актуальным, поскольку открывает новые грани для исследования таких тем, как статистические исследования русского географического общества, деятельность министерства внутренних дел в преддверии великих реформ, экспедиции русского географического общества и их итоги. Так же тема крайне удачно встраивается в дискурс русской национальной истории, позволяет ее глубже понять и может стать отправной точкой для изучения национального конструирования в Российской империи.

Что же касается гносеологической актуальности исследования, методология, примененная в нем, позволяет сопоставить источники в контексте их обильной оцифровки, следовательно поставить рядом те документы и исследования, которые до этого редко фигурировали в одном исследовании, а следовательно, получить отличные от предшествующих исследований выводы.

И действительно, сама проблема, ставшая центральной темой исследования, не очень активно рассматривалась в литературе, однако составляющие ее компоненты достаточно богато представлены в научном пространстве. Поэтому при обзоре используемых исследований самым правильным подходом мне видится рассмотрение литературы не столько в хронологическом порядке, сколько группируя по освещаемым в них проблемам.

Первым значимым в рассмотрении которого я счел необходимым привлечь исследования стал вопрос об организации географических обществ по всему миру. Здесь крайне информативными стали работы Татьяны Аркадьевны Лукиной «К истории создания Русского географического общества»¹ и Петра Петровича Семенова «История полувековой деятельности Имп. Русского географического общества»². В этих работах авторы дают общую справку о порядке организации географических обществ по всему миру и указывают на порядок их появления. Так же в своей работе Лукина комментирует вопросы о идейном заимствовании Русским географическим обществом общих обстоятельств деятельности у Королевского географического общества Лондона.

Так же нельзя не отметить статью Суховой в «Известиях Русского географического общества», которая рассматривает актуальное положение дел, в историографии вопроса³.

Так же для рассмотрения этого вопроса мной были привлечены исследования зарубежных авторов. Мной были использованы работа Клемента Р. Маркхема по истории Королевского географического общества Лондона⁴ и работа М. Тейлора о становлении Парижского географического общества⁵. Эти работы позволили мне подтвердить некоторые мои догадки о колониально-утилитарной направленности западных географических обществ, а также позволили по-другому посмотреть на становление Русского географического общества.

¹Лукина Т. А. К истории создания Русского географического общества // Известия Всесоюзного географического общества. — 1965. — Т. 97, вып. 6. — с. 515-535

²Семёнов П. П. История полувековой деятельности Имп. Русского географического общества. — СПб., 1896. — Т. 1. — 256 с.

³Сухова Н. Г. Об основании Русского географического общества // Известия Русского географического общества. — 2018. — Т. 150, № 1. — с. 70-82

⁴Clements R. Markham. The Fifty Years' Work of the Royal Geographical Society // The Journal of the Royal Geographical Society of London. — Vol. 50 (1880). — p. 25

⁵Taylor M. Geographical Society of Paris, 1850-1870 // Proceedings of the meeting of the French Colonial Historical Society. - 1982. — vol. 6/7. — pp. 36-45.

По вопросам основания Русского географического общества особо можно выделить работу Л.С. Берга, освещающую историю деятельности общества за 100 лет. Эта работа содержит наиболее полные и всесторонние сведения об организации общества и его ранней деятельности⁶.

Так же весьма полезным источником к вопросу основания Русского географического общества являются комментарии Т.А. Лукиной к перепискам К.М. Бэра. В этих работах Татьяна Аркадьевна, проводит настоящую исследовательскую работу проясняя множество неоднозначных сюжетов. И хотя в основном мной в работе использовались оригиналы писем К.М. Бэра, комментарии Лукиной помогали их более корректно трактовать.

Отдельно стоит отметить работы, которые позволяли лучше понять биографию отцов-основателей Русского географического общества. К таким работам можно отнести труд А.И. Алексеева, посвященный Федору Петровичу Литке⁷, работу В.И. Веселовского, посвященную жизни и письмам В.В. Григорьева⁸, работу Т.Д. Соловья, посвященную Н.И. Надеждину и его вкладу в отечественную этнографию⁹. Поскольку деятельность Н.И. Надеждина его деятельность рассматривалась более подробно, для чего был привлечен уже ставший классическим труд Козмина Н. К. «Николай Иванович Надеждин: Жизнь и научно-литературная деятельность»¹⁰.

Так же в работе использовались биографические труды посвященные К.М. Бэру. Среди них работа Райкова Б. Е. «Карл Бэр, его жизнь и труды»¹¹ и

⁶Л.С. Берг всеоюзное географическое общество за 100 лет // Изд. АН СССР – М. – Л. 1946

⁷А. И. Алексеев. Федор Петрович Литке. М., 1970

⁸Веселовский, Николай Иванович (1848-1918). Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам : 1816-1881 / сост. Н. И. Веселовский. - СПб., 1887.

⁹Соловей Т.Д., Николай Иванович Надеждин. У истоков отечественной этнологической науки // Этнографическое обозрение, Наука (М.), № 1

¹⁰Козмин Н. К. Николай Иванович Надеждин: Жизнь и научно-литературная деятельность. 1804-1836 – СПб.: 1912.

¹¹Райков Б. Е. Карл Бэр, его жизнь и труды / АН СССР, Ин-т истории естествознания и техники. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, [Ленингр. отделение], 1961.

работа М. Оппенгеймера «Science and Nationality: The Case of Karl Ernst von Baer (1792– 1876)»¹²

Для анализа практической деятельности этнографического отдела, который на бумаге возглавлял Бэр, а фактически Надеждин, привлекались такие исследования как анализ ответов на этнографическую программу РГО М.Г. Рабиновича¹³. А также работу Натаниэля Найта, посвященную тематике схожей с тематикой моего исследования, а именно использования РГО, как инструмента национального конструирования¹⁴.

Так же мной привлекались для общей характеристики деятельности географического общества в истории и современности такие исследования, как статьи Лаженцева¹⁵, Павлова¹⁶ и статья Суховой о полярных исследованиях РГО¹⁷. Ценным путеводителем по отчетам Русского Географического общества и его библиотекам выступила статья М.Ю Яковлевой, в которой описывается система оных¹⁸.

¹²М. Oppenheimer, Science and Nationality: The Case of Karl Ernst von Baer (1792– 1876) // Proceedings of the American Philosophical Society, vol. 134, no. 2, 1990,

¹³Рабинович М. Г. Ответы на Программу Русского географического общества как источник для изучения этнографии города. — ОИРЭФИА, 1971, вып. V. 13

¹⁴Nathaniel Knight. Science, Empire, and Nationality Ethnography in the Russian Geographical Society, 1845–1855 // Imperial Russia. New Histories for the Empire / Ed. by J. Burbank, D. L. Ransel. — Indiana University Press

¹⁵ Лаженцев В. Н. География и Русское географическое общество // Известия Коми НЦ УрО РАН. 2015. №2 (22). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geografiya-i-russkoe-geograficheskoe-obschestvo> (дата обращения: 16.04.2024).

¹⁶ Павлов Кирилл Александрович Русское географическое общество: история и современность // Современные проблемы сервиса и туризма. 2010. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkoe-geograficheskoe-obschestvo-istoriya-i-sovremennost> (дата обращения: 14.04.2024).

¹⁷ Сухова Наталья Георгиевна Русское географическое общество и полярные исследования в XIX столетии // Полярные чтения на ледоколе «Красин». 2020. №. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkoe-geograficheskoe-obschestvo-i-polyarnye-issledovaniya-v-xix-stoletii> (дата обращения: 08.03.2024).

¹⁸ Яковлева Марина Юрьевна Библиотеки Императорского Русского географического общества // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2012. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/biblioteki-imperatorskogo-russkogo-geograficheskogo-obschestva> (дата обращения: 03.01.2024).

Помимо этих исследований для общей характеристики влияния русского географического общества на интеллектуальный климат Российской империи были привлечены статьи по влиянию РГО на становление отечественной книжной культуры¹⁹ и исторической науки²⁰.

Источниками работы послужили многочисленные письма К.М. Бэра, впервые опубликованные Лукиной в сборниках «Переписка Карла Бэра по вопросам географии» и «Переписка Карла Бэра с учеными Петербурга». Несмотря на то, что источники опубликованы, я счел полезным обратиться к оригиналам, чтобы анализировать их на языке оригинала. Все архивные источники, приводимые на иностранных языках, среди которых письма К.М. Бэра и Ф.П. Литке переведены мной с немецкого языка и цитируются на русском.

Эти эпистолярные источники были проанализированы мной по следующим архивным делам, которые послужили, как бы это не звучало, источниками источников моего исследования. Первым хотелось бы упомянуть Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук и его 30-й фонд, который хранит письма К.М. Бэра к академику Кеппену²¹, а также 31 фонд, содержащий письма К.М. Бэра И.Ф. Крузенштерну²². Российский государственный архив древних актов в 30 фонде хранит переписку К.М. Бэра с адмиралом Литке, которая является ценнейшим источником по образованию РГО²³. Часть писем цитируется по вышеупомянутым опубликованным копиям

¹⁹ Базылева Е. А. Императорское Русское географическое общество и Книга (к историографии вопроса) // Вестник ОмГУ. 2007. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imperatorskoe-russkoe-geograficheskoe-obschestvo-i-kniga-k-istoriografii-voprosa> (дата обращения: 09.11.2023)

²⁰ Щевьев А. А. Русское географическое общество и историческая наука (40-50 – е гг. XIX века) // TRADITIONAL AND MODERN CULTURE: HISTORY, ACTUAL SITUATION, PROSPECTS Materials of the V international scientific conference on September 20–21, 2015. URL: https://www.sociosphera.com/files/conference/2015/k-09_20_15.pdf#page=55 (дата обращения: 01.12.2023)

²¹ СПбФ АРАН, ф. 30, оп. 1, № 175

²² СПбФ АРАН, ф. 31, оп. 1, № 4

²³ РГАДА, р. XXX, новые дела, № 49

Лукиной. Так же среди архивных источников отдельно стоит выделить первый фонд научного архива РГО, который представляет различные делопроизводственные документы и застенографированные речи периода ранней деятельности общества²⁴.

Стоит отметить и периодические источники, используемые в работе. Это журнал Королевского географического общества в Лондоне, которые предоставляет информацию об основных объектах интереса этого общества²⁵. Так же ценные материалы представляет нам журнал Известия Русского географического общества, а конкретно его тома 28²⁶ и 33²⁷, которые предоставляют нам мнение участников процесс основания РГО об основных акторах этого процесса.

Ну и конечно же, важнейшим источником по теме являются речи и программные работы Н.И. Надеждина о этнографическом изучении русской народности²⁸, о путешествиях, предшествующих основанию РГО²⁹, и о важности фиксации их результатов³⁰, ну и одна из основных мировоззренческих работ – статья о географии русского мира³¹.

²⁴НА РГО, ф. 1, оп. 1, 1846, № 4

²⁵Bates, H. Walter., Greenfield, H., Shaw, N. (1831–1838). The Journal of the Royal Geographical Society of London. London: J. Murray

²⁶Известия Императорского Русского географического общества, т. XXVIII, – 1892, выпуск I

²⁷ Известия Императорского Русского географического общества, т. XXXIII, – 1897, выпуск IV

²⁸ Надеждин Н.И. Об этнографическом изучении народности русской // Записки РГО. Кн. 2. СПб., 1847. С. 61-115.

²⁹ Надеждин Н.И. Отчет о путешествии, совершенном в 1840 и 1841 годах по южно-славянским землям. (Читан в торжественном собрании Общества 22 марта 1842 г.) // ЗООИД. Т. 1. Отд. 2. Сборник материалов. Разд. V. Путешествия и розыски по поручениям общества. Одесса, 1844. С. 518-548.

³⁰ Надеждин Н.И. О важности археологических и исторических исследований Новороссийского края преимущественно в отношении к истории и древностям русским // Торжественное собрание Одесского Общества любителей истории и древностей 4 февраля 1840 года. Одесса: в городской типографии, 1840. С. 25-58.

³¹ Надеждин Н.И. Опыт исторической географии Русского мира. Статья первая // Библиотека для чтения. 1837. Т. 22, № 6. Отд. III: Науки и художества. С. 27-79.

Методология исследования не является особо оригинальной для исторического исследования. Работа проникнута духом историко-генетического и сравнительно-описательного методов. Основной акцент в ней делается на попытки установить причинно-следственные связи между различными процессами, подкрепляя их историческими фактами. В работе активно применяется метод исторической компаративистики, для выявления родовых черт географических обществ, а так же многочисленные общенаучные методы.

Структура работы включает введение, 3 главы, заключение и список литературы.

Основная часть

Вопрос рефлексии во все времена, выступающий на первый план человеческой деятельности всегда оставался одним из ведущих направлений духовной деятельности как отдельного человека, так и различных объединений людей. При том в этих самых объединениях тяга к рефлексии, присущая личности синергетически многократно усиливается и становится социальной проблемой первостепенного характера.

Вопрос «кто мы?» является столь неизбежным для человеческой сущности, что наличие хотя бы минимального ответа на него можно отнести к первичным потребностям личности. Однако как можно ответить на столь заурядный и уже избитый вопрос, не определив границы этих самых «мы»? Здесь уже перед любым исследователем оказывается проблема социальной идентичности, границ этнической общности и социальной антропологии.

Российская империя не стала исключением. Многочисленные военные конфликты, невероятно обширные территории, включающие почти весь обитаемый человечеством север на двух материках, распространение на территории всех мировых религий сделали из Российской империи уникальный плавильный котел, варясь в котором каждый народ стремился

сохранить свою идентичность и социальные границы, порой даже их не осознавая.

Подобная ситуация стала уникальным мировым прецедентом. Все империи всегда достаточно четко проводили границы, показывая неравнозначность автохтонного населения территорий и унитарной администрации. Подобная система свойственна для любых колониальных отношений, где любой исследователь достаточно явно мог провести линию разделяющую пару метрополия-колония. Великобритания-Индия, Франция-Алжир, Испания – Мексика и так далее. Подобная система однозначного разделения позволяет установить как географические, так и социальные границы общностей, избавив их от кризиса идентификации.

Российская ситуация уникальна тем, что множественные общности в ней получая маркеры идентификации, например, язык, религию, культурные нормы, воспринимали их неравномерно, ввиду изначальной неравномерности социальной группы.

Крещение Руси, церковная реформа Никона, преобразования Петра хотя и имели всеобъемлющий социальный характер, т.е. ставили своей целью изменение жизни всего общества, едва ли имели равнозначное воздействие на все общество в целом. Регулярные крестьянские восстания указывали на неправильное направление реформ, требующее переосмысления, а окончательное разделение на Европу и Азию, после петровских реформ, делало ситуацию еще более абсурдной, поскольку иногда эта воображаемая граница проходила по этажам одного и того же дома.

За 200 лет со становления дома Романовых половинчатые реформы создали ряд практически неустраняемых социальных границ, которые не только обеспечивали диффузионную резистентность элит и народных масс как социальных общностей, но и создали ряд непреодолимых барьеров, которые

отделяли эти общества настолько сильно, что одна едва ли могла осознать свою общность с другой.

Таким образом была создана ситуация обособления общности, отвергшей социальные нормы, системы социальной стратификации и социальные маркеры идентификации, навязываемые «сверху». Ввиду постоянных гонений и притеснений эта общность обрела общую историческую судьбу, экономическую независимость, а благодаря непризнанию церковной реформы духовный суверенитет, т.е. обрела все признаки необходимые, для признания ее нацией.

Казалось бы, прекрасная история для любого сборника посвященного процессу национального самоопределения, демократического начала власти, источником которой является народ, а также независимости и свободного пути. Однако основная проблема заключалась в том, что обозначенная социальная общность являлась русским народом, который не видел своего отдельного свободного пути, не стремился к независимости и пытался отделиться.

Ситуация, образовавшаяся к середине XIX века, которая стала одним из лейтмотивов создания такого института как Русское Географическое Общество, чем-то схожа с известной фразой Марии-Антуанетты «*Qu'ils mangent de la brioche*», вошедшей в анналы истории, как пример полной оторванности элиты от повседневной жизни народа и самого народа. Невероятная дистанцированность, достигнутая отечественными элитами и народом, стала пропастью, за края которой цеплялась огромная Российская Империя, рискуя достаточно скоро в нее сорваться.

Быстро повзрослевшая и поднаторевшая в европейской парадигме отечественная элита не понимала, что же мешает ей на сапогах, пройдя Европу, в России след ее оставить. Проявлениями этого стало и весьма сдержанное отношение к движению декабристов и ярая реакция в дальнейшем

на отмену такой основополагающей институции российской азиатости, как крепостное право, что весьма популярно описал в своей работе еще 18 века, например, Вольтер.

Народ к середине XIX века стал представлять собой для российского дворянства темную материю. И не с точки зрения его непросвещенности и отсутствия в нем тяги к оевропеиванию, а с точки зрения полного непонимания или же непризнания его паттернов поведения, социокультурных нарративов и маркеров самоидентификации.

Исходя из всего вышесказанного становится понятна необходимость в установлении контакта этой совершенно не обособленной социальной общностью, которая хотя и является закрытой, нигде не хочет проявлять свои границы и масштабы. Естественно изучение подобного масштабного феномена не может стать задачей одного человека или группы людей, поскольку должно носить систематический и продолжительный характер.

Подобный феномен обуславливает необходимость появления целого социального института, способного решить первоочередную задачу, стоящую перед государством, внутри которого образовались две диффузные общности, не идущие в открытое столкновение - определение границ этих самых общностей, а также выделение их характерных признаков.

Подобная ракурс позволяет оценивать Русское Географическое Общество как инструментальную институцию, включающую не только и не столько фундаментальную научную работу, сколько прикладную. Тенденции развития, показывающие устанавливающийся на этом акцент, будут рассмотрены во второй главе моей работы, а пока же стоит отдельно обратить внимание на процесс создания, чтобы показать, как менялись цели организации.

Заключение

Так чем же было Русское географическое общество? После рассмотрения материалов, приводимых в первой главе, становится очевидно, что над этим вопросом задумывались даже те, кто стоял у его истоков. Даже отцы основатели видели его задачи весьма неопределенно и пространно. Но что действительно интересно, даже спустя полтора века точно ответить на этот вопрос не представляется возможным. Видел ли К.М. Бэр и Н.И. Надеждин в географическом обществе одно и то же явление? Скорее нет, чем да. Разница подходов обуславливала не только разницу в понимании функции, но даже разницу в понимании природы общества.

Бэр видел в РГО элитарную общность, решавшую вопросы престижа и чистой науки. Надеждин и окружающие его молодые русские реформаторы, такие как, например, Кавелин, напротив видели конкретную практическую задачу, которую обществу следовало решить. Время показало, что более живучим и перспективным оказался подход Надеждина, однако результаты полученные от него являются прекрасной темой для более объемного и обстоятельного исследования.

Что же касается целей и задач этой работы, то в списке напротив них смело можно поставить «галочку». В вопросе детерминант создания русского географического общества можно отмечать множество весьма неоднородных явлений, начиная от церковной реформы патриарха Никона, продолжая политикой европеизации элит Петра Великого, однако главным фактором обусловившим необходимость наличия учетной институции стала, безусловно, форсированная естественная стратификация общества с последующей изоляцией слоев, что переводило вопрос об изучение этого разделения, как говорил Надеждин, в онтологическую плоскость³².

³² Nathaniel Knight. Science, Empire, and Nationality Ethnography in the Russian Geographical Society, 1845–1855 // Imperial Russia. New Histories for the Empire / Ed. by J. Burbank, D. L. Ransel. — Indiana University Press, [б. г.]. — P. 141

Так же одной из важнейших тенденций, ускорившей создание РГО стал мировой тренд на создание географических сообществ, который дал повод отечественным ученым выбрать именно эту форму организации научного сообщества. При изучении мировой практики создания географических обществ в моей исследовательской работе наметилась интересная закономерность, ранее не отмечаемая в трудах исследователей: к моменту основания Русского географического общества уже можно было говорить о разделении географических обществ на метрополиальные, изучающие перспективные для своей страны территории и их народонаселение, и колониальные, изучающие территории собственной страны и обычно активно подражающим метрополиальным.

Даже на ранних этапах своей деятельности Русское географическое общество ставило своей целью изучение России и ее просторов, что ставило ее в особое положение. Подобный вывод мог бы очень удачно совпасть с парадигмой научных трудов Эткинда и его концепцией «Империя, колонизирующая себя»³³.

Что же касается самого проекта Русского географического общества, то резюмируя работу формально стоит признать авторство Бэра, согласившись с исследованиями Берга³⁴ и Лукиной³⁵. Действительно, корреспонденция Бэра показывает, что этот проект являлся объектом его личного интереса еще задолго до момента его реализации. Так же нельзя умалять заслугу Бэра в формировании сообщества путешественников и ученых, которые, собираясь у него в квартире, хотя и могли видеть в РГО свои интересы, так же проникались верой в проект и его будущее.

³³ Эткинд, А. М. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / Александр Эткинд ; [авториз. пер. с англ. В. Макарова]. - 3-е изд. - Москва : Новое лит. обозрение, 2016. - с. 37

³⁴ Л.С. Берг всесоюзное географическое общество за 100 лет // Изд. АН СССР – М. – Л. 1946 – с. 31

³⁵ Лукина Т. А. К истории создания Русского географического общества // Известия Всесоюзного географического общества. — 1965. — Т. 97, вып. 6. — с. 510

Подобное многоголосье и демократические начала отразились и на деятельности русского географического общества. На раннем этапе мы явно увидели четкое фракционное деление, которое обусловлено было как биологическим материализмом Бэра³⁶, так и национальными идеями некоторых членов общества, таких как Григорьев, например. Выражаясь простым языком, видение Бэром общества элитарным клубом, который служит целям мировой науки, было идейно чуждой большей части членов общества, для которых вопрос решения национальных имперских задач стоял намного выше, интересов глобального просвещения.

Это различие и переросло в разделение общества уже в 1846 году на две фракции «немецкую» и «русскую». Немецкую возглавил Бэр, а во главе русской фракции, несмотря на авангардное положение в речах Григорьева, мы все же явно видим более авторитетную фигуру Надеждина, который с 1847 года и начнет активную реализацию своих проектов.

Первым таким проектом станет программа сбора статистических данных, так же известная, как «Анкета Русского географического общества». Эта анкета станет очень важной вехой в становлении такой важной в контексте изучения русского народа и уникальной с точки зрения мировой практики дисциплины как этнография. Ответы на нее станут прекрасным источником по самой разной проблематике, от языковых диалектических особенностей до истории повседневности российских городов.

Именно анкета станет первым инструментом, посредством которого Надеждин будет стремиться верифицировать официальные представления об общности называемой русским народом, и именно разочаровавшись в этом инструменте после нескольких неудачных попыток провести обработку данных вернется в этнографическом направлении обратно на проложенный

³⁶ Timothy Lenoir, "Kant, Blumenbach and Vital Materialism in German Biology," *Isis*, v. 71, 1980, - p. 77

еще Бэрм путь этнографических экспедиций. Главным отличием этих экспедиций станет то, что Надеждин изначально будет видеть из главной задачей не изучение конкретного народа с его конкретными представлениями, а изучение различных граней той общности, которая не покорилась ему при реализации этнографической программы – русского народа³⁷.

Сами эти экспедиции представляют интереснейший пласт данных, обработка и интерпретация которых, позволит открыть совершенно новые грани имперской рефлексии и ее постоянной репликации. Тема этнографических экспедиций РГО заслуживает отдельного широкого и детального исследования, которое, однако, не может быть проведено без той базы, которая была наработана в этом исследовании. Конечно, весьма самоуверенно было бы считать эту работу исчерпывающим исследованием вопроса, однако в ней представлен тот минимум исследовательской информации, без которой дальнейшее изучение темы этнографии в рамках Русского географического общества опасно ввиду широкого поля для интерпретаций, сложно поддающихся верификации. Это же исследование несколько ограничивает это поле, чем заслуживает свое место в академическом пространстве.

³⁷ А.И. Васкул Этнографическая программа Русского географического общества // Российский фольклор: материалы и исследования – СПб, Наука, 2019 – XXXVI, с. 470